

Анна Дэй

ОНА МЕЧТАЛА
ЖИТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Дэй

Она мечтала жить

<https://litres.ru/73961291>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мираэль всегда чувствовала себя чужой. Вся её жизнь была чёрной полосой: детдом, первая работа с мерзким начальником, обшарпанная квартирка на отшибе города, полная одиночества.

В один день её жизнь начала меняться. Заветное письмо в почтовом ящике вдохнуло в Мираэль надежду. Удачное собеседование – и вот она на пути к лучшему будущему. Но всё меняется, когда она решает отпраздновать белую полосу своей жизни.

Смерть пришла к ней в старом лифте.

Но вместо пустоты – ледяная вода, чужие лёгкие, полные тины, и тело, которое ей не принадлежит. Она выжила или украла чужую жизнь?

Добро пожаловать в Сильванор. Красивый лес, где тебя хотят убить только за то, кто ты есть. Люди охотятся на эльфов, король сжигает деревни, а единственным другом стала болтливая девушка-олень.

Мираэль мечтала жить. Но жизнь, которую она получила, полна неизвестности, боли и предательства. И кто знает, не

проснётся ли она завтра снова в темноте – без права на второй шанс.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	19
Глав	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Анна Дэй

Она мечтала жить

Пролог

Все прочие проблемы уже не имеют никакого значения, когда ты умираешь.

Они рассыпаются в пыль, становятся блёклыми, как выцветшие фотографии. Долги за коммуналку? Разбитая кружка, над которой вчера я так горевала? Хамство начальницы? Пустота. Всё это осталось где-то далеко, в другой жизни, до того, как грудную клетку сдавило ледяными тисками, а в ушах появился противный гул.

Жизнь вытекает из тебя с каждой секундой. Я чувствую, как тягучее, родное тепло уходит из пальцев рук и ног, оставляя после себя покалывание, будто я отлежала руку. Только это ощущение – по всему телу сразу. Сердце больше не бьётся в страхе – оно тяжело ворочается где-то в горле, медленно и с усилием, словно мельничный жернов на последнем обороте. Стук. Пауза. Ещё стук. Длинная пауза.

Голова уже не понимает, где ты, кто ты и почему ты здесь. Мысли метаются, путаются и рвутся, как старые нитки. Я смотрю на голубоватый потолок или на небо? Да какая разница.

Говорят, у мозга есть семь минут. Семь минут, когда перед глазами проносится вся жизнь. Самые яркие, счастливые воспоминания, чтобы подсластить агонию. Последний подарок перед кромешной тьмой.

В моей жизни таких подарков не нашлось. Ни одного лица, ни улыбки, ни тепла. Только колючие, рваные обрывки, как та простыня в детдоме, о которую вечно цеплялись ногти.

Вот я маленькая, втискиваюсь спиной в угол кровати, потому что с другой стороны тянется чья-то рука, что хочет ущипнуть или дёрнуть за волосы. Воздух пахнет чужим потом, кипячёным молоком с пенкой и казённым стиральным порошком. Самый стойкий запах моего детства.

Вот школьный коридор. Звонок. Меня толкают в спину, я лечу, разбиваю коленку, портфель раскрывается, тетради разлетаются по грязному полу. Кто-то наступает на них, оставляя следы уличной обуви на моих каракулях. Воспитательница потом скажет: *«Сама виновата, надо уметь ладить с другими»*.

А я не умела. Я могла только терпеть. Вжимать голову в плечи и ждать, что однажды придут они. Мама и папа. Увидят меня, такую хорошую, терпеливую, заберут и скажут: *«Привет, доченька, мы так долго искали тебя»*. Я так ярко представляла этот момент, что даже чувствовала запах папиного одеколona и маминых духов. Они пахли бы домом. Моим домом.

Но никто не пришёл ни тогда, ни потом. Надежда просто исчезла, прямо как те тетради под чужими подошвами.

В восемнадцать меня вышвырнули. «*В добрый путь, Миразель, живи сама*». Государство отсыпало квартирку, больше похожую на клеточку для маленькой птички. На отшибе, в районе, где город выставил напоказ своё нутро.

При взгляде на этот дом у меня всегда холодело в животе. Тяжёлый, тоскливый холод, как сейчас, только слабее. Высотка стояла вся в потёках, в язвах облупившейся краски. Первый этаж зиял чёрными провалами окон, где-то заколоченных фанерой.

У подъезда – перевёрнутые мусорные баки, в которых копошились крысы. Я никогда не видела таких жирных крыс. Шкура лоснилась, хвосты волочились по асфальту, они смотрели на меня чёрными бусинками без страха. Казалось, весь городской крысиный сброд сбежался сюда пировать нашими обедами. Наверное, мы с ними были соседями по статусу.

Стены внутри подъезда не было видно. Каждый сантиметр, куда даже рука не могла дотянуться, покрывали надписи маркером, краской из баллончика или выцарапанные гвоздём. Имена, ругательства, неприличные рисунки, номера телефонов с обещаниями «горячих девочек». Эта галерея тянулась от первого этажа до последнего.

Лифт почти никогда не работал. Двери его кабины, промасленные, в царапинах, тоже были разрисованы – в основ-

ном предложениями интимных услуг и туалетными шутками. Я проходила мимо него семь лет, даже не поворачивая головы. Просто шла к лестнице. Двести шестнадцать ступенек. Двенадцать пролётов. Я знала каждую выбоину в бетоне, трещинку и каждый облупившийся уголок перил.

Школу я закончила экстерном в шестнадцать. Не потому, что была вундеркиндом. Просто чем быстрее пройдёшь этот коридор с липкими взглядами и ударами под дых, тем лучше. Забрала аттестат – и бегом, не оглядываясь. Сразу подавала документы в институт на заочное. «Издательское дело» – звучало не просто красиво, меня с детства интересовали книги. Я нашла подработку в кофейне «Бодрый боб» в центре города, где, по отзывам в интернете, оставляли щедрые чаевые, чтобы оплачивать обучение и коммуналку.

На деле это оказалась помойка, прикрытая стильным логотипом.

Стеклянные двери, модный минимализм, запах свежей обжарки. Но внутри всё было пропитано сытой и ленивой надменностью. Студенты ближайшего вуза в дорогих пальто, менеджеры из офисов по соседству, которые смотрели сквозь тебя, пока протягивали пластиковые карты за латте на миндальном молоке. Богатенькие выродки. Их улыбки были ровные, отбеленные, а глаза пустые, как у манекенов на витринах.

Я была баристой-кассиром. Должна была варить кофе и обслуживать клиентов за стойкой. Но очень быстро выясни-

лось, что в мои обязанности входит всё сразу: кофе, столики, уборка, сортир. Этот чёрный кафельный пол в туалете, вечно липкий от мочи и чего-то ещё, я драила, стоя на коленях, вдыхая хлорку вперемешку с другими ароматами. Спасибо, хоть доплачивали, правда, всего копейки. За унижение доплата не предусмотрена.

А начальник, Лэри, был похотливым и скользким типом. Тонкие губы, влажные глаза-бусинки, которые всегда находили, за чем подглядывать, когда ты наклоняешься за чистой чашкой или поднимаешься по стремянке за новым сиропом. От него исходил запах дешёвого одеколona и застарелого пота, который не выветривался даже за кофейной горечью. Крыса. Та самая, жирная, из мусорных баков у моего дома. Только эта крыса умела говорить и норовила положить ладонь на мою задницу, проходя мимо.

Два года я терпела Лэри. Два года вдыхала запах дорогих духов богатых клиентов и хлорки из сортира. Два года стирала пальцы в мозоли, взбивала молоко для их напитков.

На втором курсе я рискнула и отправила резюме в издательство «Словесный лабиринт». Даже название звучало как глоток свежего воздуха после «Бодрого боба». Позиция ассистента – самая низкая ступенька, но меня взяли, и это стало новым началом моей жизни.

Я помню тот день, когда уходила от Лэри в последний раз. Он кривил тонкие губы, говорил что-то про неблагодарность и что без его опыта я никто. Я слушала и чувствовала, как в

груди разливается что-то тёплое, но не счастье, а облегчение и свобода, когда тяжёлый, липкий страх быть зажатой с ним в одной подсобке наконец отступил.

Новые коллеги встретили меня приветливо. Кто-то улыбался, другие пожимали руки в знак приветствия, а кто-то показал, где стоит чайник. Обычные человеческие жесты, от которых у меня защипало в носу. Глупо, наверное, но после детдома и кофейни искренняя улыбка в мою сторону казалась чудом.

Я была согласна на любую работу, и я её получила. Семь лет. Мне двадцать пять, и я до сих пор ассистент.

Семь лет я перебираю чужие тексты. Рукописи громоздятся стопками на столе, полу и подоконнике. Тонны бумаги, миллионы слов. Чьи-то надежды, мечты или выдуманные миры – все они проходят через мои руки, оставляя бумажную пыль и отпечатки чернил на пальцах.

Я веду канал редакции в соцсетях, пишу посты бодрым, оптимистичным тоном. *«Дорогие авторы, мы рады вашим работам!»* – пальцы печатают сами, пока в голове одна лишь пустота.

Я верстаю одобренные рукописи. Подгоняю строчки, выравниваю поля, проверяю сноски. Чужие книги выходят в свет, я вижу их на полках магазинов, листаю в метро, вдыхаю запах свежей типографской краски. Чужие книги, жизни, истории, а не мои. Ни в одной книге, которую я самолично провела от рукописи и до магазина, не упоминалось моё

имя.

Я ищу новых авторов. Пишу им письма: *«Здравствуйте, ваша рукопись заинтересовала редакцию»*. Коммуницирую по запросу Сары, моей начальницы. Она неплохая, хоть и стервозная, вечно занятая. Просто у неё свои задачи, сроки и планы. А я лишь её ассистентка. Функция.

Другие девчонки, с которыми мы начинали вместе, уже давно поднялись. Кто-то стал главным редактором или даже издателем. Одну девушку переманили в другое издательство на высокую зарплату. Я искренне радовалась за них. Правда. Но когда оставалась одна в своей каморке, заваленной рукописями, под люминесцентный гул ламп, меня накрывало.

Я отправляла резюме сотнями. В другие редакции, на другие позиции. Ответов не было. Тишина или стандартные отписки: *«К сожалению, мы выбрали другого кандидата»*, – или просто пустота в папке «Входящие». Я проверяла её каждое утро, первым делом, ещё до чая. И каждое утро приходилось проглатывать этот твёрдый комок в горле.

За эти грёбаные семь лет я не добилась ничего.

Я не опускала руки, старалась изо всех сил. Искала выход из любой ситуации. Да, не с высоко поднятой головой – с такой не выходит, когда всю жизнь смотрел под ноги, чтобы не споткнуться, но я была уверена, что однажды всё получится, я прорвусь.

Не прорывалась. Семь лет тишины, пустоты, огорчений и несколько неудачных отношений с абьюзивными козлами,

которые только пользовались моим телом и сраной квартирой, доставшейся мне от государства. Двести шестнадцать ступенек каждый вечер. Рукописи, посты, вёрстка. Чай на кухне, бутерброд на бегу, холодная квартира, остывшая постель по утрам и вопрос, который грызёт изнутри, как та крыса в мусорном баке:

Зачем тогда вообще что-то делать?

Если всё равно ничего не меняется. Если удача смотрит сквозь тебя, как те богатенькие выродки в «Бодром бобе». Если ты просто фон. Второстепенный персонаж в чужой книге, которую никто даже не напишет.

Я сильно зажмурилась, потёрла сухие, уставшие глаза до цветных пятен под веками и обновила страницу почты.

«Новое входящее».

Рука сама потянулась к мышке. Отметить как прочитанное, удалить, забыть. Очередная рассылка, спам, уведомление от сайта с одеждой, которую я никогда не куплю.

Но взгляд зацепился за имя адресата. «Адвокат редактора». Крупнейшее издательство в городе. То самое, куда мечтают попасть все. Куда я отправляла резюме месяц назад и уже забыла, вписав в графу «несбыточные надежды».

Я кликнула, не дыша.

«Нас заинтересовал Ваш опыт...»

Дальше я читала, уже не видя букв. Они расплывались, складывались в слова, которые отдавались гулом в висках. Голова наполнилась ватным, невесомым состоянием. Серд-

це долбануло в рёбра изнутри: раз, другой, третий – готовое вырваться и унести в пляс прямо до потолка. Руки дрожали, и я вцепилась в кружку с остывшим чаем, чтобы унять эту дрожь, но чай заплескался о стенки, коричневые капли брызнули на клавиатуру.

Сегодня. Собеседование сегодня днём, в мой обед. Я посмотрела на часы в уголке компьютера. Уже через час.

Воодушевление ударило в голову, как пузырьки шампанского, которое я когда-то пила. Меня словно перезарядили – откуда-то взялась энергия, пальцы перестали дрожать и забегали по клавишам, добывая утренние отчёты. Неужели вот она? Белая полоса? Маленький, трепетный ручеёк удачи, который я нашла, заблудившись в джунглях неудач?

Я доела обеденный бутерброд, даже не почувствовав вкуса. Жевала и глотала, а перед глазами всё ещё плыли буквы письма.

Сорок восьмой этаж. Башня издательства. Стекло и бетон, уходящие в небо. В холле было просторно: высокие окна, дорогие кресла у стены и пропускная система. Тонкая, как тростинка, в идеально сидящем костюме, секретарь встретила меня с улыбкой, которая не казалась дежурной, и проводила до кабинета.

Исполнительный директор оказался моложе, чем я представляла. Блондин с аккуратной щетиной, голубые глаза, которые в тени кабинета казались почти синими. Дорогой костюм сидел на нём так, будто сшит на заказ; возможно, так

оно и было. Часы сверкнули на запястье, когда он жестом пригласил меня сесть. Отполированные туфли блестели при малейшем движении, отражая свет ламп.

Он задавал вопросы, я отвечала. И вдруг поймала себя на том, что мне легко, что я даже шучу, а он подхватывает, смеётся, и его глаза теплеют. Никакой надменности, никакого взгляда сквозь меня. Он видел меня и слышал.

Потом он резко встал, подошёл к столу, что-то быстро написал на листе бумаги. Я разглядела только росчерк подписи – такой уверенный и витиеватый. Он сложил лист, убрал в конверт, заклеил и протянул мне.

– Буду рад видеть вас завтра на рабочем месте, редактор.

Я открыла рот, чтобы возразить. Две недели отработки на прежней работе, Сара, договорённости... но он словно прочитал мои мысли.

– Это письмо вашему руководству. С завтрашнего дня вы числитесь у нас. Вопросы решены.

Я вышла из башни на ватных ногах. Тёплый городской воздух с примесью выхлопных газов ударил в лицо. Но мне казалось, что я вот-вот отращу крылья и взлечу прямо здесь, над тротуаром, над машинами и всей этой серой жизнью.

Как вернулась в офис – не помню. Помню только, как сунула конверт Саре, как она подняла брови, вскрыла, прочла, посмотрела на меня с новым, незнакомым выражением. Удивление? Уважение? Да всё вместе.

– Можешь собирать вещи, – коротко бросила она.

Я собрала. Кружку, пару ручек, блокнот с цитатами. Всё поместилось в один пакет.

На обратном пути заскочила в магазин, чтобы отметить новую жизнь. Я выбрала хорошее вино, а не то пошло из дешёвого супермаркета рядом с домом. Мраморное мясо, свежие овощи, спелые ягоды – малину, клубнику, от которых сразу потекли слюнки. Сыры, несколько сортов. Пакет набрался тяжёлый, полный, пахнущий будущим праздником.

Я вошла в подъезд и замерла. Лифт работал. Двери были открыты, будто приглашая. Оценив свои силы и тяжесть пакетов, прижимая их к себе, я вошла в манящий тусклый свет, обещающий избавить меня от лестницы.

В кабине пахло привычной смесью сигаретного дыма и кошачьей мочи, но я почти не замечала этого. Я вдыхала ароматы новой жизни – шпинат, малину, клубнику. Они обволакивали всё пространство, затмевая вонь, обещали вечер с вином и мясом, утро с новой работой, будущее, которое наконец-то наступит.

Лифт дёрнулся и пополз вверх.

Сначала плавно, как обычно. Потом трянуло. Я списала всё на старую технику. Ещё трянуло, но уже сильнее. Кабина заходила ходуном, ударяясь о стены шахты, металлический звон отдавался в ушах.

Я вцепилась в поручень. Пакеты зашуршали, ягоды запрыгали внутри упаковки.

И вдруг лифт резко рванул вверх. Так стремительно, что

внутренности провалились куда-то вниз, прямо к пяткам. Голову сдавило, перед глазами поплыли круги. Меня швырнуло на пол, пакеты вывалились из рук, бутылка вина глухо стукнулась о стену, но не разбилась.

Резкая остановка. Такая же внезапная, как взлёт. Меня подбросило, ударило плечом о поручень, тошнота подкатила к горлу. Я подумала: последний этаж. Сейчас откроются двери, я вывалюсь и пойду пешком. Больше никогда в этот гроб не зайду.

Но двери не открылись.

Послышался неприятный, рвущийся треск, от которого живот скрутило тошнотворной тревогой. Металл застонал, трос над головой что-то прошелестел, и кабина провалилась вниз.

Свободное падение.

Меня подкинуло к потолку. Я ударилась лицом. Послышался хруст, острая боль озарила глаза красными пятнами, тёплая кровь струилась из разбитого носа. Лампы задрожали, одна лопнула, осколки посыпались вниз, но я уже летела обратно, кабина продолжала падать, и этот бешеный кульбит тела в замкнутом пространстве не подчинялся никаким законам.

Невесомость длилась всего секунду. Меня швырнуло в стену. Спиной, плечом, головой – я натыкалась на всё сразу. Зеркало взорвалось осколками, я почувствовала, как один полоснул по щеке. Поручень врезался в поясницу. Пол уда-

рил по коленям, потолок – по голове.

Мерзкий, влажный хруст слышался отовсюду.

Я не поняла сразу, что это мои кости. Что рука вывернута не так, что нога онемела и не слушается. Падение не кончилось. Кабину мотало, как щепку в водовороте. Я билась о стены, пол и потолок, не в силах ухватиться и даже закричать.

Последний удар был самым сильным.

Меня подкинуло вверх, я перевернулась в воздухе и рухнула вниз животом на что-то твёрдое. Воздух вышибло из лёгких. Голова встретилась с полом, и мир погас.

Не сразу. Сначала была боль. Она заполнила всё тело, каждую клетку, каждую кость. Я кричала, но звук не выходил, только сипел где-то в раздавленном горле. Что-то тёплое и мокрое разливалось подо мной, заливая лицо и затекая в рот металлическим привкусом. Кровь.

Я попыталась пошевелиться, но тело не слушалось. Только левая рука ещё двигалась, натываясь на осколки, лужу и что-то холодное.

Пальцы сомкнулись на чём-то твёрдом. Я резко дёрнула рукой, желая высвободить горло, чтобы позвать на помощь. От боли в шее захотелось кричать, но изо рта вырывалось лишь бульканье и красные пузыри. Тёмно-зелёное стекло блеснуло в мигающем свете ламп. В моей руке находилось горлышко винной бутылки, испачканное тёмной, почти чёрной кровью.

Я смотрела на неё мутнеющим взглядом. Красивая была бутылка, и вино дорогое. Я так хотела выпить его сегодня, отметить новую жизнь.

В глазах темнело. Боль уходила куда-то внутрь, в самую глубину, и там затихала.

Последняя мысль была о разбитой бутылке вина, которую я даже не успела открыть и которая поставила точку в моей жизни.

Глава 1

Небытие не бывает пустым.

Я думала, что смерть похожа на выключенный телевизор: чёрный экран и тишина, но она была тягучей и похожей на бездну. Она обнимала меня со всех сторон, а собственное тело ничего не весило. Руки плыли где-то рядом, ноги терялись во тьме, и я не понимала, где я сама нахожусь.

Только далеко вверху блестело светлое пятно – размытое и дрожащее, похожее на свет сквозь толщу воды. Я смотрела на него и не понимала ничего. Мысли кончились там, в лифте, вместе с последним ударом головой об пол. Мне оставалось только наблюдать: свет есть, я плыву или тону. Или всё это уже неважно.

Тьма подо мной дышала. Она уходила в бесконечность, и оттуда тянуло только равнодушием, а свет звал. Не грел, но звал на поверхность.

Я попыталась шевельнуться. Тело легко и плавно откликнулось, будто я всегда жила в воде. Странное чувство. В лифте я была тяжёлой и разбитой, а здесь – словно пушинка.

Я заметила движение. Из темноты всплывала чья-то фигура. Сначала я различала лишь тень, потом силуэт, и уже совсем рядом появилась девушка. Она плыла ко мне, отчаянно работая руками, но вода будто не пускала её: тянула назад, впивалась в лодыжки и обволакивала бёдра.

Я лишь смотрела, как она борется.

Длинные волосы струились за ней, как сиреневый дым. Тёмно-лиловые глаза с расширенными зрачками смотрели прямо на меня. Я заметила её длинные уши. Они были нечеловеческие – длинные, заострённые.

Девушка плыла ко мне, протягивая руку.

Я хотела ответить на её жест, но не смогла. Не потому, что тело не слушалось, а потому, что я просто остолбенела, замороженно глядя на неё, но так отстранённо, как смотрят на падающую звезду.

А потом она перестала бороться и ушла под воду.

Сиреневые волосы мелькнули в последний раз и растаяли во тьме. Её широко открытые, испуганные глаза смотрели на меня, пока лицо не скрылось в темноте.

Свет с поверхности рванул ко мне, будто толща воды пыталась выплюнуть меня наружу. Тьма убывала, я перевернулась в воде, закружилась, потеряв направление, и вдруг последовал удар. Я почувствовала холод, боль и собственную тяжесть.

Меня вышвырнуло на поверхность.

Первое, что я осознала, – мне надо дышать, но я не могла. Грудь распирало изнутри, горло сжалось спазмом, а лёгкие были полны чем-то холодным и мерзким. Я не могла вдохнуть, не могла выдохнуть, только хрипела и билась, а тело не слушалось – ватное, чужое, неподъёмное.

Потом спазм прорвался. Меня выгнуло дугой. Из рта

хлынула мутная вода с привкусом тины и гнилых листьев. Я кашляла так, что казалось, лёгкие вылетят наружу. Раз, другой, третий, а вода всё лилась, смешиваясь со слезами, слюной и желчью.

Кто-то рядом кричал или это я сама хрипела? Не разобрать. В ушах стоял гул, как после взрыва, и сквозь него пробивалось только бульканье.

Я перевернулась на бок, инстинктивно, как просит тело, когда задыхается, и схватилась за что-то руками. Пальцы впились в мокрую землю, нащупывая траву и грязь.

Вдох. Господи, что за пытка.

Воздух ворвался в лёгкие, и они загорелись. Тысяча лезвий полоснули изнутри; я зашлась новым приступом кашля, такого сухого и лающего, который раздирает горло в клочья.

– Блядь, – выдохнула я или подумала. Голос прозвучал сиплым, чужим звуком вперемешку с хрипами.

Я открыла глаза.

Надо мной нависали высокие тёмные деревья с корявыми ветвями, которые переплетались в плотный полог, почти не пропускающий свет. Солнце пробивалось редкими лучами и скользило по мху, переливаясь на воде и согревая мои руки.

Мои руки?

Я подняла ладонь перед лицом и замерла.

Длинные, тонкие пальцы с аккуратными ногтями были во все не похожи на мои. У меня были короткие пальцы с обкусанными и кровоточащими кутикулами, вечно в бумажных

порезах. А эти руки были изящные, как у пианистки.

Я пошевелила ими. Они послушались, так плавно и очаровательно.

– Что за хрень? – прошептала я.

Голос тоже был другим. Выше, тоньше, с непривычной вибрацией.

Я села на мель, тело послушалось, но с большим трудом. Все мышцы дрожали, зубы стучали от холода, мокрая одежда прилипла к коже и тянула вниз, к земле. Я наклонила голову. Мокрая, почти прозрачная рубаша облепила грудь. Сверху был кожаный тёмный корсет с грубыми швами, а штаны облегли длинные ноги. Это не моя одежда и даже не моё тело.

Паника кольнула где-то под рёбрами, но я её задавила. Мне сейчас не до этого. Нужно сначала понять, где я вообще.

Вокруг простирался густой, дикий лес, пахнувший прелой листвой и водой. Совсем рядом с бурлящей рекой находилось небольшое озеро со спокойной тёмной гладью, в которую впадала эта река. Я сидела на мели реки, слушая её беспокойный гул и чувствуя стремительное, живое течение. Вода в реке пенилась и билась о камни.

Я выползла на берег на четвереньках. Руки и ноги дрожали, каждое движение давалось с трудом. Лёгкие ещё саднило, горло раздирало, и во рту до сих пор чувствовался привкус тины.

Озеро было рядом, такое тихое и гладкое, как зеркало. Я подползла к его спокойным водам и заглянула. Из темноты

на меня смотрела она.

Девушка из моей предсмертной галлюцинации. Сиреневые волосы разметались по плечам, мокрые, тяжёлые, обрамляли острое, нечеловечески красивое лицо. Лиловые глаза смотрели на меня испуганно и удивлённо, а длинные, заострённые уши торчали из-под волос.

Я дотронулась до своего лица. Отражение повторило движение.

– Ёбаный в рот, – выдохнула я.

Отражение разинуло рот в той же беззвучной ругани.

Я провела пальцами по уху. Оно было таким чувствительным и тёплым; я дёрнула за него, и моё лицо исказилось в гримасе боли, как и отражение в воде. Значит, оно моё, реальное. Это я. Точнее, я теперь – это.

Мысли путались. Как? Почему? Что за хуйня?

Вода за моим отражением дрогнула. Я не сразу поняла, что случилось. Просто круги пошли по глади, и тень качнулась. А потом из глубины всплыло оно.

Сначала я увидела огромные чёрные глаза без зрачков и белков. Две бездонные ямы, в которых не отражалось ничего, смотрели на меня из-под воды, и в них не было ни злости, ни голода, лишь крошечная пустота.

Потом появилось лицо. Почти человеческое. Высокие скулы, тонкие губы, прямой широкий нос, но кожа, если это можно назвать кожей, была покрыта мелкой чешуёй, переливчатой, тёмно-зелёной, как тина. Вместо ушей были длин-

ные плавники, дрожащие в воде, похожие на рыбы. Чёрные волосы с маленькими тугими косичками облепили голову, как шлем. Рот приоткрылся, и я увидела острые, игольчатые зубы в несколько рядов. Они блеснули в тусклом свете – и существо рванулось вверх.

Я отшатнулась, но было поздно. Рука твари схватила меня за лодыжку. Пальцы были длинными, с перепонками и острыми когтями; они впились в ногу так, что я взвыла.

Тварь потянула меня в воду. Я цеплялась за траву, грязь, корни, но мои пальцы скользили и срывались, земля летела в лицо. Меня тащили в озеро. Вода уже охватила бедро, добираясь до живота.

– Пусти, сука! – заорала я. Голос сорвался на хрип.

Свободной ногой я ударила тварь в лицо. Попала? Кажется, да. Хватка чуть ослабла, но не отпустила. Она дёрнула сильнее, я поехала назад, врезалась подбородком в камень, губа засадила, и я почувствовала тёплый вкус собственной крови.

В голове застучало: «Тону, тону, снова тону!»

Я рванула, отбиваясь свободной ногой и выкручивая из лап другую, не думая о боли, только о том, что эта тварь не получит меня. С меня хватит. Я уже умирала сегодня, дважды, кажется. Ну нахуй!

И вдруг тварь разжала пальцы, меня понесло вперёд.

Я откатилась от воды, хватая ртом воздух, забилась в траву, как червяк, и только потом обернулась. Тварь смотрела

на меня из воды. Чёрные глаза не моргали, она не уходила, а терпеливо ждала, чтобы напасть вновь.

Руки дрожали, нога горела огнём, из распоротой икры текла кровь. Я сидела на берегу, в чужом теле, в чужом мире, смотрела на чудовище и пыталась отдышаться. Мне было больно, и я понимала, что теперь заточена в этом эльфийском теле. А что же тогда было с моим телом в лифте? Могла бы я вернуться в него, к своей жизни?

– Чего тебе надо? – яростно прохрипела я.

Тварь молчала. Только её косички медленно покачивались на воде в такт расходящимся кругам. Она двигалась плавно, будто вода сама несла её к берегу. Я видела, как под поверхностью проступают очертания плеч. Рот приоткрылся, и в дневном свете блеснули мелкие, острые зубы, как у пираньи.

– Ламия, нельзя!

Из кустов послышался женский голос, и тварь замерла, наполовину высунувшись из воды. Она застыла в образе статуи с рыбьими глазами и открытым ртом. Меня трясло так, что зубы стучали; я вжалась в траву и корни, преисполненная желанием стать невидимой или просто исчезнуть.

Шаги я услышала до того, как увидела хозяйку голоса. Лёгкие, цокающие, совсем не человеческие. Сначала мелькнуло что-то в кустах, и я подумала: зверь. Косуля, олень, кто-то из тех, кто живёт в подлеске.

А потом перед моим лицом замаячили копыта. Два ма-

леньких, изящных оленьих копытца переминались с места на место, вспахивая мокрую землю у самой кромки воды. Я задрала голову и забыла, как дышать.

Из-под кудрявых красновато-коричневых волос, небрежно стянутых шнурком, торчали оленьи уши. Чуткие и подвижные, они поворачивались независимо друг от друга, ловя звуки леса. Шерсть того же оттенка, что и волосы, покрывала верхнюю часть лица, переходя в обычную кожу на щеках. Кончик носа был чёрным и слегка влажным, совсем как у зверька, которым она казалась мгновение назад. По всему её лицу и рукам рассыпались белые точки, а загорелая кожа переливалась на солнце.

– Очнулась, наконец, – выдохнула она.

Голос быстрый и нервный, слова наскакивают друг на друга. Большие карие глаза смотрели на меня с любопытством и тревогой.

– Прости, что Ламия на тебя напала. Я неподалёку травы собирала и услышала твой крик. Ты же сама знаешь, какие найдры недружелюбные, – она нервно засмеялась так, как смеются, когда хотят разрядить обстановку.

И тут её взгляд упал на мою ногу. Смех оборвался, а простодушная приветливость сползла с лица, обнажив испуг.

– Ох, Ламия тебя поранила... Сильно? Дай посмотрю, у меня есть мази, я быстро, я умею...

Она шагнула ко мне, и я дёрнулась. Рванула ноги к груди так резко, что раненую икру вновь прострелило жгучей

болью. Воздух вырвался сквозь сжатые зубы змеиным шипением, перед глазами поплыли круги.

Моё движение испугало её. Девушка-олень отшатнулась, копыта заскользили по траве, она смешно и испуганно затопталась на месте, пытаясь удержать равновесие. А из воды донеслось злобное шипение твари. Ламия подалась вперёд, высунулась по пояс, хвост заколотил по воде, поднимая фонтаны брызг.

– Тише, тише, Ламия, свои, – затараторила олениха, выставляя ладони в сторону воды. – Не тронь её, я сама, всё хорошо...

– Что вы, нахрен, такое? – мой голос прозвучал хрипло и показался совершенно незнакомым.

Я стиснула зубы, потому что очередная волна тошноты подкатила к горлу, и я снова почувствовала тот ужасный привкус тины и желчи.

– Что за найдры? Ты сама-то что такое?

Она замерла. Уши дёрнулись, прижались к голове, потом снова встали торчком. Маленький хвостик, который я только сейчас заметила, вздыбился, выглядывая из-под старой ткани её юбки, украшенной листьями и какими-то веточками.

– Извини-ка, – протянула она обиженно. Шерсть на её оленьих ногах встала торчком. – Ладно, – выдохнула она после паузы. – Я пропущу твоё оскорбление. Спишу на то, что ты сильно головой ударилась.

Она говорила так, будто уговаривала саму себя не злить-

ся. Потом расправила плечи, поправила съехавшую лямку и посмотрела на меня уже спокойнее.

– Как тебя звать?

Я открыла рот и запнулась. Имя моё, не моё, той девушки, чужое? Вопросы застряли в голове, но я, проглотив тугой ком в горле, выдавила:

– Мира...эль.

– Что ж, Мираэль, – она произнесла моё имя чётко и по слогам. – Меня зовут Дора.

Она плавно и осторожно присела на корточки, стараясь не делать резких движений, и сняла с локтя плетёную корзинку. Внутри я увидела несколько рыб: их серебристые бока поблёскивали на солнце среди пучков трав. Мой нос уловил запах ила от свежей рыбы, мяты и чего-то неприятно горького. Я удивилась, что смогла уловить эти ароматы на таком расстоянии. Возможно, у этого тела чуткое обоняние?

– Может, всё-таки дашь обработать ногу? – спросила она тихо. – Я понимаю, вы, эльфы, быстро заживаете, но не ментально же. А вдруг рана загноится? – она подняла на меня глаза. – Вряд ли ты отрастишь новую конечность, как найдра.

Вода у берега всколыхнулась.

Ламия – или как там эту тварь называют – протянула перепончатую руку прямо к корзинке. Дора даже не дёрнулась, будто уже привыкла. Длинные пальцы с острыми когтями зашарили среди трав, разбрасывая их в стороны, пока не на-

щупали жирную рыбину.

Тварь вонзила зубы в тушу и, довольно урча, попятилась назад. Медленно, плавно ушла под воду. Только пузырьки воздуха поднялись со дна, и круги разбежались по тёмной глади.

Дора вздохнула, покачала головой и принялась собирать разбросанные травы. Уши её ходили ходуном, ловя каждый звук. Треснула ли ветка, шевельнулась ли трава подо мной – они тут же настороженно поворачивались в сторону звука, а её хвост нервно подрагивал.

Я смотрела на девушку и пыталась осознать, что вообще происходит. Тело ломило, нога горела, голова раскалывалась, а перед глазами всё ещё стояла эта тварь с острыми зубами и косичками, похожими на змей.

– Прости за вопрос, – начала я, и мой голос прозвучал хрипло, будто я не пила неделю. – Что ты такое?

Она на секунду замерла. С протяжным, тяжёлым вздохом Дора медленно повернула ко мне голову. *«Так вздыхают, когда устали объяснять очевидное»*, – подумалось мне.

– Не «что», а «кто», – поправила она. – Я – керн. Из рода керванов.

Я смотрела на неё пустыми глазами. Керн? Керваны? Слова звучали незнакомо – настолько, насколько звучит любой иностранный язык: вроде что-то такое слышала, а смысла в этом нет.

Дора нахмурилась.

– Керны – рогатый народ, – пояснила она медленно. – А керваны – это такие, как я.

Она круговым жестом указала на своё лицо и ноги.

– То есть наполовину люди, наполовину олени? – ляпнула я, не подумав.

И сразу поняла, что сказала что-то не то. Взгляд Доры потемнел, стал тяжёлым и почти злым. Уши прижались к голове, хвост взметнулся.

– Я не полукровка! – выкрикнула она.

Она вскочила и в один пружинистый шаг оказалась возле моего лица. Копыто вспахало землю в сантиметре от моей руки.

– Я чистокровная керванка!

Я вжалась спиной в дерево и выставила ладони вперёд.

– Прости, прости! – затараторила я, страх вцепился в горло стальной хваткой. – Я не понимаю... Просто ты похожа... частично похожа... на оленя...

Злость в её глазах дрогнула и в момент сменилась чем-то другим. Недоумением? Любопытством?

– Ты что, никогда не видела кернов? – спросила она тихо.

Я закивала. Часто-часто, как болванчик.

Она выдохнула. И вдруг рассмеялась. Громко, звонко, на весь берег. Её уши затряслись, а хвост заходил ходуном, даже копыта пританцовывали от смеха.

– Я тоже никогда не видела эльфа, – сказала она, отсмеявшись. – Но, когда увидела тебя... – она покачала головой.

– Сразу поняла, кто ты.

– Ты вообще первая, кого я тут встретила, – я кивнула в сторону озера, откуда всё ещё поднимались ленивые пузырьки. – Не считая той твари.

Дора проследила за моим взглядом. Улыбка её стала мягкой, почти виноватой.

– Ламия не тварь. Она просто... найдра. У них мозгов немного, зато инстинктов – выше крыши. Ты для неё – чужая, раненая, да и пахнешь кровью. Она не со зла, хищница же.

Я хмыкнула. Моя нога горела огнём по вине той найдры, и мне было плевать, со зла она или нет.

– Давай всё-таки обработаю, – Дора снова присела на корточки, осторожно глядя мне в глаза. – Обещаю, будет не больно. Ну, почти не больно, – она улыбнулась, и в этой улыбке я не уловила ничего, кроме искреннего желания помочь.

И я почему-то кивнула.

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.